

Поэтические метафоры сосюрговской триады
langue, langage и parole

О. И. Северская

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ В. В. ВИНОГРАДОВА РАН, МОСКВА

Аннотация. На материале русской поэзии XVIII–XX вв. рассматривается метадискурсивное употребление лексем *молчание, шепот, говор*, символизирующих соответственно *langue, langage и parole* поэтической практики. *Молчание* ассоциируется с поэзией как таковой, с глубинным ее уровнем, на котором *слово* представлено как акустический образ, абстракция от поверхностного многообразного звучания. С *молчанием* соотносятся внутренняя речь и «разговор без слов». Автор приходит к выводу, что поэтическое *молчание* вбирает в себя модели речевых актов, а потому подразумевает потенциальное развертывание языка в речь. Особое место занимает лексема *шепот*, соответствующая *langage*, поскольку шепот занимает промежуточное положение между молчанием и артикулированным говорением. *Голос* и *говор* отождествляются с *parole*, поэтические *голоса* манифестируют и речевые акты конкретных субъектов речи. Исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Северская О. И. Поэтические метафоры сосюрговской триады *langue, langage и parole* // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 81–89.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© О. И. Северская, 2017

Ключевые слова: метадискурсивные слова, символы, триада Соссюра, русская поэзия, контент-анализ, лингвистическая поэтика.

УДК 81'42

Контактная информация: Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019, Россия, oseverskaya@yandex.ru)

«Единство явлений речи дано в языке» [Соссюр, 1960, с. 326], – утверждал Ф. де Соссюр в своем знаменитом «Курсе общей лингвистики», многие положения которого родились из работ по поэтике и исследований поэзии, которые велись им с 1906 г. Например, положение о двусторонней природе языкового знака, отчетливее всего проявляющееся в поэтическом тексте – в сериях акустических и значащих последовательностей. Или тезис о том, что «только те сближения, которые освящены языком, нам кажутся согласными с действительностью, и мы откидываем всякое иное, могущее представиться воображению» [Там же, с. 333]. Поэтому интересно будет проанализировать, насколько поэзия подтверждает, а поэты разделяют представления Ф. де Соссюра о языке.

Русскую поэзию, которая и станет объектом такого анализа, на протяжении уже трех с лишним веков отличает неослабевающее внимание к тайнам творчества, к работе с языком. Это проявляется в обилии в текстах маркеров языковых и речевых феноменов, к которым относятся лексеммы, так или иначе к ним отсылающие и активизирующие в поэтическом языке метаязыковую функцию: *язык, речь, слово, текст, молчание, говорение* и др. О «лингвоцентризме» чаще говорят применительно к современной поэзии [Зубова, 2000; Николина, 2009], однако он имеет глубокие корни. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (www.ruscoriga.ru, далее – НКРЯ) предоставляет интересный материал, иллюстрирующий традицию использования элементов «коммуникативного дейксиса» (термин Н. К. Рябцевой, см.: [Рябцева, 1994, с. 90]), начавшуюся еще в XVIII в.

Особый интерес вызывает использование поэтами лексем *молчание, шепот, говор*, которые употребляются автореферентно и метадискурсивно, т. е., по Н. К. Рябцевой, являют собой «своего рода “имя собственное” речевого действия, позволяющее идентифицировать и отграничивать его от сходных, смежных или “смешанных”» [Рябцева, 1994, с. 90]. Само лексическое значение метадискурсивных слов отсылает к некой коммуникативной ситуации: слово *голос* обозначает звучание голосовых связок при разговоре, пении и т. п., а также высказывание мнения, суждения; *го-*

вор – звуки разговора, звучащую речь; *шепот* – тихую, почти беззвучную речь; *молчание* – отсутствие речи, разговора.

Молчание Н. Д. Арутюнова описывает как «нулевой речевой акт», отказ от речевых действий, которому предшествует говорение [Арутюнова, 1994, с. 106]; при этом «происходит сдвиг со звуковой стороны речи на содержательную» [Там же, с. 113], и оказывается, что «содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим» [Там же, с. 115]. Если принять во внимание тезис Ф. де Соссюра о том, что язык возникает как производное от речи [Соссюр, 1960, с. 330], представляющее собой «склад акустических образов», которые «суть реальности, имеющие местонахождение в мозгу» [Там же, с. 327], т. е. знаки воображаемых реальных звуков, не имеющих физического выражения, можно предположить, что лексема *молчание* идеально подходит для символического обозначения сосюрговского *langue*. Собственно, Н. Д. Арутюнова это подтверждает: «Разговор о молчании оборачивается разговором о языке вообще и о языке поэзии в частности» [Арутюнова, 1994, с. 116]. Об этом свидетельствует и исследуемый материал, в котором *молчание* предстает как образ поэтического языка.

Молчание хотя изредка и превращается в символ утраты дара поэтической речи (ср. у А. Мещерякова: *Давно забыт я богом лиры; Молчание и чувств печать – Тебе мой отголосок сирый*; и у А. К. Толстого: *Моей отрадой было песнопенье, И в жертву ты, Господь, его избрал! Настаньте ж, дни молчания и муки! Прости, мой дар!*), все же в большинстве случаев ассоциируется поэтами с поэзией как таковой и присущими ей способами словесного выражения мысли (например, К. Бальмонт связывает воедино *молчание* и *горящий безмолвием стих*). Почти сосюрговское понимание творческого молчания как вместилища акустических образов идет еще от М. Лермонтова, в *молчании* услышавшего *звук мысли*. Поэты, как правило, различают глубинный и поверхностный уровни, взаимопроницаемые и равнонаправленные – как от *молчания* к *слову*: *Из глубины молчания родится Слово* (М. Волошин), так и от *слова* к *молчанию*: *Киньтесь к слову, кричите Верлэнами И возвещаете сладость молчания* (К. Бальмонт); *Слово лишь намек роскошнейших молчаний, Дружелюбные читатели стихов* (А. Лозина-Лозинский). При этом, как представляется, они имеют в виду слово не столько звучащее, сколько принадлежащее языку, – слово как акустический образ, связывающий воображаемое означающее с означаемым, которое представлено денотативным и сигнификативным компонентами. Молчание символизирует нечто наглядно представимое в *молчании глаз* (Н. Гумилев) или *молчании очей* (А. Введенский) и при этом умопостижимое, что воплощается в воображаемых звуках (Д. Кнут, к примеру, пишет о *музыке неслышанных молчаний*). Кроме того, молчание и символизируемые им слова конвенциональны и равнозначны

для молчащего и его контрагента (ср. у К. Батюшкова: *Я видел, я читал В твоём молчании <...> Следы сердечного терзанья*).

На молчание указывается как на условие успешной поэтической коммуникации: *гласу лиричному в молчании внимлите* (В. Майков), при этом подразумевается именно абстрагирование от поверхностного многообразного звучания, переход на собственно языковой уровень: *все голоса, звучащие так разны, / в молчание одно в душе должна я слить* (Е. Дмитриева).

С молчанием ассоциируются внутренняя речь и разговор без слов. Субъектом внутренней речи предстают чаще всего *душа*: *Молчать. Расстопить в молчании душу. Слушать* (Д. Кнут); и *сердце*: *Слушаю сердцем молчание, <...> И тишина, тишина* (Ю. Терапиано). Достаточно часто в этом контексте *душа* называется посредником между человеческим языком и божественным глаголом: *Что наш язык земной пред дивною природой? <...> Горé душа летит, <...> И лишь молчание понятно говорит* (В. Жуковский); *Прежде чем душа найдет возможность постигать и дерзнет припоминать, она должна соединиться с Безмолвным Глаголом, – и тогда для внутреннего слуха будет говорить Голос Молчания* (К. Бальмонт). Вместе с тем в большинстве случаев речь идет все же не о диалоге с внутренним голосом или высокими сферами, а о молчании как оболочке некоторой нематериальной субстанции, т. е. опять же о нулевом знаке означаемого, которое при известных условиях может означющее обрести: *И я молчание невольно оставляю И таинство души пред всеми объявляю* (А. Сумароков). В ситуации молчаливого разговора [Арутюнова, 1994, с. 111] говорить начинают прежде всего чувства, в частности, в поэтическом подкорпусе НКРЯ множество примеров восприятия поэтами молчания как языка любви: от А. Дельвига до В. Брюсова, З. Гиппиус и А. Ахматовой. В этом молчаливый разговор похож на внутреннюю речь, внутренний диалог.

Но есть и примеры отсылки к молчанию как к нулевому речевому акту, производящему не меньший перлокутивный эффект, чем воплощенный в словах: *Он молчанием иль словом Бурю верно бы пресек!* (З. Гиппиус). Апеллируют поэты к молчанию как возможному сознательному отказу от коммуникации: *Спасительна молчания печать, – А мы все говорим и говорим* (А. Мариенгоф); *Молчание – ответ взывающим* (Ф. Сологуб). Такое молчание противоположно вынужденному – либо в силу отсутствия потенциального адресата: *Есть страшная преграда – Молчание. Нам некому сказать...* (Ф. Чернов), либо из-за его незаинтересованности в диалоге, невосприимчивости: *А немоты в вас, глухого молчания – Хватит с избытком...* (К. Случевский), а возможно, и невладения кодом, как в примере из Н. Асеева: *ужель не понял ты молчаний, / струящихся со столько губ?*

Как можно было заметить, молчание поэтическое вбирает в себя модели речевых актов, а потому подразумевает потенциальное развертывание языка в речь: *Нет у нас больше молчания. В нас пробуждается лепет* (К. Фофанов); *молчание – не беззвучно, / шумы, иль тень их, все к одному* (З. Гиппиус). Если воспользоваться поэтическим определением И. Жданова, молчание – это *пазы отверстых голосов*, или, в терминах В. В. Виноградова [1980, с. 90], формирующие *langue* «языковые круги, отличающиеся субъектными формами», сочетая которые в особые структуры мы переходим в область *parole*.

Шумы, лепет и прочие прерывистые звуки, которые различаются русскими поэтами в контексте молчания, как представляется, есть отголоски речевой деятельности, которая, по Ф. де Соссюру, предполагает распространение звуковых волн от органов речи к органам слуха и формирование акустических образов, которые, соединяясь с понятием, превращаются в звукосмысловое единство, артикулируемое в речи [Соссюр, 1960, с. 323]. Среди слов, символизирующих слабо артикулированную речь, в поэтической практике особое место занимает лексема *шепот*, которая может быть ассоциирована с *langage*, поскольку шепот занимает промежуточное положение между молчанием и артикулированным говорением.

Связь шепота с творчеством начинает декларироваться русской поэзией с начала XX в. Прежде всего, творческим называется *шепот тишины*: *Язык безмолвия! Как внятен шепот твой!* (Г. Голохвастов), шепот нащупывается в языке: *Ты жаждешь языком нащупать шепот В горячей сладостной слюне слова...* (Б. Божнев). С одной стороны, поэтам свойственно настраивать лиру по шепотам: *От тебя у меня, шепот-тот-шип – Лира, лира, лебединый загиб!* (М. Цветаева), с другой – слышать шепоты лир: *Я вижу искаженный мир, я слышу шепот заглушенных лир* (А. Введенский), и иных голосов, приводя их к одному «знаменателю»: *Неузнанных и пленных голосов Мне чудятся и жалобы и стоны, Сужается какой-то тайный круг, Но в этой бездне шепотов и звонов Встанет один, все победивший звук* (А. Ахматова). Интересно, что современными поэтами прямо декларируется связь шепота и молчания, обретающего субъектные формы: *Мы молча в шепот сходим / и там себя находим* (И. Жданов).

«Речь возникает исключительно благодаря голосу», – подчеркивает Г. Е. Крейдлин [1994, с. 145]. Голос и в русской поэзии манифестирует речь, о чем говорят такие словосочетания, как *голос молвы разноречивой, голос многоязычья, голос Слова*. Достаточно много в поэтическом подкорпусе НКРЯ примеров, в которых голос ассоциируется с тем или иным способом творческого использования языка: в русской поэзии звучат *голоса* конкретных мастеров слова – *Пушкина, Некрасова, Сафо*, а также безымянного автора, *Музы (муз), лиры и ее струн, рифм* – воплощенных в словах созвучий. Очень часто раздаются *голоса* всевозможных музыкальных инструментов – *скрипки, свирели, флейты, кларнетов, фагота, рога, тру-*

бы, волынки, шарманки, гармоники. Преобладание в этом списке духовых инструментов, звук из которых извлекается с помощью губ, представляется не случайным, как и сама «инструментальная» метафора: «Пользуясь голосом как *инструментом* (курсив мой. – О. С.), мы легко выделяем в речевом потоке нужные нам смыслы, слова и более крупные единицы», – уточняет Г. Е. Крейдлин [1994, с. 150]. Поскольку в самом значении лексемы *голос* присутствует компонент ‘мнение, суждение, высказывание’, поэтические *голоса* манифестируют и речевые акты.

Еще одно проявление речи – *говор* – представлено в русской поэзии в словоупотреблениях, отражающих все три компонента словарного значения соответствующей лексики: ‘звуки разговора, речи’, ‘особенности речи’, ‘разновидность речи’. Как и *голос*, *говор* соотносится с уже упоминавшимися «языковыми кругами, отличающимися субъектными формами».

Если с *молчанием* связываются преимущественно классы субъектов (*вся природа*, а также земля и разные формы земного пространства – *степь, поля, лес(а), сады*, океан земной и воздушный – *воды, небеса*), то *голосом* и *говором* (наряду с природой как таковой) наделяются уже конкретные «субъекты речи». Ими обладают в растительном мире *леса, ветви деревьев и кустарников, растения* (например, *лилея, шиповник*), в животном – *птицы (иволга, дрозд, кукушка, синица, соловей, петух), скоты и звери (пес, олень)*, насекомые (*цикады, кузнечики*). Различаются голоса *земли, камней, пустынь, моря (морей), залива, рек, ручьев, воздуха, ветра, грозы, грома, луны и планет*. Множество *голосов* выделяется в религиозно-мистическом поле: это голоса *молитвы и церквей, пророка, ангела, Бога, Господа, Мадонны, птицы райской, веры / неверья*, а также голоса *времени и истории* (конкретно: *набегов, кочевий, становий, старины, прошлого, будущих судьбин*), *Вечности (века)*, голоса мира иного – *Смерти, умерших, ночи (ночных стихий, ночные), тьмы, сна*. В мире человека звучат голоса *памяти, рассудка, совести, надежды, любви, дружбы, измен, тревоги, горя, муки, страданья* (прежде всего как проявления внутренней речи). Такую же разветвленную субъектную структуру имеют и *шепоты* [Северская, 2014].

Это закономерно: и речь (*parole*), и речевую деятельность (*language*), с которыми соотносятся слова-образы *голос, говор* и *шепот*, отличают, по формулировке Ф. де Соссюра [1960], индивидуальное и каждый раз новое употребление языка, индивидуальное использование языкового кода в создании словесных комбинаций.

Сервис НКРЯ дает и интересные статистические данные: в поэтическом подкорпусе *шепот* встречается чаще, чем *говор* и *молчание* (зарегистрировано соответственно 771, 559 и 476 словоупотреблений), поэты больше внимания уделяют переходу от отсутствия коммуникации к ее осуществлению, прослеживая каждый этап (ср. у Е. Баратынского: *Снача-*

ла важное молчанье Толпа хранила; но потом Возникло томное жужжание: Оно росло, росло, росло И в шумный говор перешло). В основном корпусе превалирует *молчание* (13 702 употребления), потом идет *шепот* (11 219), наименее частотен *говор* (3 341). При этом как в основном корпусе, так и в его поэтическом подкорпусе, самым частотным является глагол *говорить* (почти полмиллиона употреблений зарегистрировано в основном, 10 442 – в поэтическом), отсылающий как к языку, так и к речевой деятельности и речи и потенциально – к молчанию (можно *говорить без слов*) и к шепоту (можно *говорить шепотом, почти беззвучно* и т. п.). Это, безусловно, объясняется синкретизмом его значения [Телия, 1994, с. 93–94], в котором словари в большинстве своем выделяют компоненты ‘владеть языком, обладать способностью к речи’ и ‘пользоваться, владеть устной речью, выражать в словах и вызывать какие-либо мысли, чувства и т. п., вести разговор, беседу’.

Таким образом, триединство *молчания – шепота – голоса (говора)* действительно может рассматриваться как поэтическая метафора сосюрговской триады *langue – langage – parole*, причем не в «плоскостном» ее варианте, а с виноградовским «умножением» на особенности словесного мышления, отличающие каждый ее компонент. «Субъектным» формам каждого из трех уровней соответствуют знаки внешнего мира, подвергающегося поэтическому преобразованию, и воплощения их в воображении и поэтическом мышлении, к которым обращаются поэты, объективируя свое внутреннее знание в формах словесного выражения.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 106–117.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
- Крейдлин Г. Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 141–153.
- Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.
- Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 82–92.
- Северская О. И. «Шепот, робкое дыханье...»: лексема *шепот* в русской поэзии XVIII–XX вв. // Корпусный анализ русского стиха: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Плуныян, Л. Л. Шестакова. М., 2014. Вып. 2. С. 278–304.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 323–342.

Телия В. Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 93–98.

Article metadata

Title: About Poetic Metaphors of the Saussure's triad *langue*, *langage* and *parole*

Author: O. I. Severskaya

Author's e-mail: oseverskaya@yandex.ru

Author affiliation: Vinogradov Institute of Russian Language RAS

Abstract. The author considers (on the material of Russian poetry of the XVIII–XX centuries) the use of metadiscursive lexical items *silence*, *murmur*, *talk*, symbolizing *langue*, *langage* and *parole* of poetic practice. *Silence* is synonymous with poetry itself, with its deep level at which a *word* is represented as an acoustic image, an abstraction from the superficial diverse sound, i.e. *langue*. With the *silence* is correlated the inner speech and «conversation without words». The author comes to the conclusion that poetic *silence* incorporates models of speech acts, and therefore imply the potential deployment of language in speech. Special attention is paid to a *murmur*, corresponding to *langage*, since the *murmur* is intermediate between silence and articulated speaking. *Voice* and *talk* are associated with *parole*, poetic *voices* embody speech acts of specific actors. If to the *silence* are associated primarily classes of subjects (all of nature and the earth and terrestrial space – *the steppe*, *fields* and *woods*, *gardens*, *ocean*, *earth* and *air*, *water*, *heaven*), the *voice* and the *talk* (along with nature as such) endowed with specific «subjects». Have them the forest, branches of trees and shrubs, plants, birds (Oriole, Blackbird, Cuckoo, Blue tit, Nightingale, Cock), animals, insects. Voices of the *land*, *stones*, *deserts*, *sea*, *bay*, *rivers*, *streams*, *air*, *wind*, *storms*, *thunder*, *moon*, and *planets* are also presented. Many *voices* stands out in the religious and mystical field, as well as the *voices of time and history*. In the personal world, the *voices of memory*, *of reason*, *conscience*, *hope*, *love*, *friendship*, *betrayal*, *anxiety*, *grief*, *misery*, *suffering* (primarily as manifestations of inner speech) sound. The same structure has the *murmur*. That makes sense: as speech (*parole*), and speech (or oral) activity (language), with which correspond the significant lexemes *voice*, *talk* and *murmur*, differ, by F. de Saussure, an individual and each time a new use of language, an individual using of a language code in the verbal combinations creation. The study was performed on the material of poetry subcorpus of the Russian National corpus. Its statistical service offers the interesting data: in the poetry subcorpus *murmur* is more common than *talk* and *silence*, poets pay more attention to the transition from a zero to the communication, tracing each step. At the same time as in the main corpus, and in his poetry subcorpus the verb *to speak* has the highest frequency and refers both to language and to

speech activity and speech, and potentially to the silence (we can *speak without words*) and whisper (we can *talk in a whisper, soundless, silently*, etc.).

Key terms: metadiscursive words, symbols, Saussure triad, Russian poetry, content analysis, linguistic poetics.

Reference literature (in transliteration):

Arutyunova N. D. Molchanie: konteksty upotrebleniya // Logicheskii analiz yazyka: yazyk rechevyh deistvii. M., 1994. S. 106–117.

Kreidlín G. E. Golos, golosovye priznaki i ocenka rechi // Logicheskii analiz yazyka: yazyk rechevyh deistvii. M., 1994. S. 141–153.

Nikolina N. A. Aktivnye processy v yazyke sovremennoi russkoi hudozhestvennoi literatury. M., 2009.

Ryabceva N. K. Kommunikativnyi modus i metarech' // Logicheskii analiz yazyka: yazyk rechevyh deistvii. M., 1994. S. 82–92.

Saussure F. de. Kurs obshei lingvistiki (Cours de linguistique générale) // Zvegincev V. A. Istoriya yazykoznaneya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. M., 1960. Ch. 1. S. 323–342.

Severskaya O. I. «Shepot, robkoe dyhan'e»: leksema *shepot* v russkoi poezii XVIII–XX vv. // Korpusnyi analiz russkogo stiha: Sb. nauch.st. / Otv. red. V. A. Plungyan, L. L. Shestakova. M., 2014. Vyp. 2. S. 278–304.

Teliya V. N. «Govorit'» v zerkale obihodnogo soznaniya // Logicheskii analiz yazyka: yazyk rechevyh deistvii. M., 1994. S. 93–98.

Vinogradov V. V. O yazyke hudozhestvennoi prozy. M., 1980.

Zubova L. V. Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka. M., 2000.